

ЗАХАР

ПРИЛЕПИН

ИСТОРИИ ИЗ ЛЁГКОЙ
И МГНОВЕННОЙ ЖИЗНИ

Захар Прилепин
Истории из лёгкой и
мгновенной жизни
Серия «Захар Прилепин.
Публицистика»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48785744

Истории из лёгкой и мгновенной жизни: Издательство АСТ: Редакция

Елены Шубиной; М.; 2020

ISBN 978-5-17-119567-0

Аннотация

«Эта книжка – по большей части про меня самого. В последние годы сформировался определённый жанр разговора и, более того, конфликта, – его форма: вопросы без ответов. Вопросы в форме утверждения. Например: да кто ты такой? Да что ты можешь знать? Да где ты был? Да что ты видел? Мне порой разные досужие люди задают эти вопросы. Пришло время подробно на них ответить. Кто я такой. Что я знаю. Где я был. Что я видел. Как в той, позабытой уже, детской книжке, которую я читал своим детям. Заодно здесь и о детях тоже. И о прочей родне. О том, как я отношусь к самым важным вещам. И какие вещи считаю самыми важными. И о том, насколько я сам мал – на фоне этих вещей. В

итоге книга, которая вроде бы обо мне самом, – на самом деле о чём угодно, кроме меня. О Родине. О революции. О литературе. О том, что причиняет мне боль. О том, что дарует мне радость. В общем, давайте знакомиться. У меня тоже есть вопросы к вам. Я задам их в этой книжке». *Захар Прилепин*

Содержание

Первые деньги, последняя строчка	6
Не проси, а то дадут	13
Несколько неважных слов в течение дня	20
Хождение по счастью	27
Всё сбылось	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Захар Прилепин

Истории из лёгкой и мгновенной жизни

© Захар Прилепин

© ООО «Издательство АСТ»

Первые деньги, последняя строчка

Я учился в школе и писал стихи. За окном наблюдалась перестройка.

Перестройку я запомнил, как непрестанную осень: словно природная и умственная слякоть объяла всё. Люди бегут по леденеющим лужам, взбивая грязный, отвратительный снег. Ужасно болит голова: от шума, от гама, от топота, от грохота, от всего сущего.

Моя семья жила в хрущёвке, на пятом этаже, где за вечно закрытыми шторами, обложенный книжками стихов и виниловыми пластинками, обитал я.

Читал и слушал, слушал и читал.

К отцу приходили друзья – я помню то странное и удивительное время, когда советские люди заходили друг к другу без звонка, и даже не по причине наличия бутылки того или иного напитка, а просто в силу желания поговорить, поспорить, поделиться новостями.

Как минимум трём отцовским друзьям я пел под гитару песни – Башлачёва, Летова, Гребенщикова, Кинчева и свои. В 1989 году люди отцовского – первого послевоенного – поколения таких песен знать не знали. Им странным образом нравилось. Они выпивали – я в этом не участвовал – и снова звали меня: а спой.

Я с удовольствием пел. Хотя не очень умел.

Но стихи у меня получались ничего так. Я мечтал стать поэтом.

Тогда ещё существовала такая профессия – «поэт». Поэты были элитой. В газетах и журналах за одну публикацию им платили месячную зарплату рабочего. Книжки даже самых средних поэтов раскупались. Книжки поэтических звёзд – а их было на страну десятка два-три – продавались теми тиражами, которыми сегодня продаются здесь «50 оттенков серого», а то и бóльшими.

Поэтом я хотел быть вовсе не по причине тиражей и не из детской зависти к оглушительной славе какого-нибудь Евтушенко, – а просто меня больше ничего так не интересовало, как поэзия, как музыка, как сочетания слов, которые вдруг дают поразительный или поражающий эффект.

Короче, как-то раз, без моего ведома, один из отцовских товарищей взял несколько моих стихотворений и передал редактору одной местной газеты.

Вернулся я из школы, а меня этот самый отцовский друг встречает у дома, счастливый донельзя: «Поздравляю с первой публикацией!»

Не знаю, как сейчас люди воспринимают первую публикацию, – а тогда это было что-то из области недосягаемого: увидеть свои буквы, свои слова – пропечатанными.

Сам статус не только книги, не только журнала, но даже газеты – был феноменально высок.

Вспомните, что Владимир Семёнович Высоцкий, соби-

равший стадионы на своих концертах, сыгравший в тридцати фильмах, работавший в самом популярном театре на Таганке, имевший второй на весь СССР «Мерседес» (первый был у Брежнева, а третьего не было ни у кого), женатый на французской актрисе, имевший возможность выезжать и выступать за границей, – этот самый Высоцкий всю жизнь горевал, что его стихи не публикует советская пресса.

Какие-то, тьфу, газетки! Какие-то, боги мои боги, нелепые, бумажные журналы! Что это вообще – на фоне его небывалой, аномальной, невозможной, невысказанной, аналогов не имеющей славы и удачливости? Вообще ничего! И, тем не менее, горевал.

Советская власть приучила людей верить в необычайную силу печатного слова.

(Постсоветская, забегаая вперёд, вообще разучила верить в печатное слово, – и это, увы, тоже достижение.)

Но я ничего такого в пятнадцатилетнем возрасте даже предположить не мог, и пришёл от новости в полный восторг.

Мои! Стихи! В газете!

Вида, конечно, не подал – но внутренне был преисполнен ликования.

По осенней слякоти мы сначала ехали в какой-то недалёкий городок на рейсовом автобусе, а потом шли пешком.

Я даже забыл название этого городка, вот ведь.

В редакции я сразу увидел эту газету, и стремительно на-

шёл свои стихи: верней, одно.

И тут же, естественно, прочитал.

И сразу пришёл в ужас: там было вырезано последнее четверостишие – и вместо моих строк кто-то – видимо, редактор – сочинил другой финал.

Отцовский друг смотрел на меня, улыбаясь; я с трудом сдержался, чтоб не заорать от бешенства и не разорвать газету в клочки.

Редактора на месте не было, и отцовский друг ушёл его искать. Я вышел из журналистской комнатки, и присел в коридоре, спиной к стене.

Закусив губу, я завязывал развязавшиеся и пропитанные грязной влагой шнурки.

Внутри у меня саднила бешеная обида, что со мной так поступили. Они переписали мои стихи. Как они посмели!

По сей день это чувство не истаяло во мне.

Если я однажды приду домой, и увижу, что вор роется в моих чемоданах, – я не испытаю подобного бешенства. Ну, подумаешь, вор. Может, у него жизнь тяжёлая.

У меня однажды своровали машину из гаража – не застрахованную – то есть, пропажа была невозполнимой; но я точно помню, что это огорчило меня куда меньше, чем финальное, подшитое к моей голой коже, четверостишие.

Я всё ещё сидел у стены и ковырялся в шнурках, – кажется, они ещё и оборвались, и потому никак не завязывались, – когда подошёл приветливый редактор и подал мне руку.

Помню, что я протянул ему руку, не вставая. Жест этот с моей стороны носил явно хамоватый характер, и у меня было время об этом догадаться, – но я нарочно не встал.

Рука моя была мокрая и чуть грязная – от песка, налипшего на шнурки.

Сидеть дальше, впрочем, не имело смысла, и я пошёл во след за редактором в его кабинет.

Мои ботинки оставляли ужасные, грязные следы. Они обладали уникальной способностью накапливать в себе множество воды и потом расходовать её в течение нескольких часов на любых сухих и вымытых поверхностях. Такие ботинки нужно выдавать солдатам – вместо фляжек. Думаю, один такой ботинок даёт чайник воды. Два ботинка – два чайника.

Я топтался в кабинете редактора и время от времени поводил ногами, мстительно оставляя разводы вокруг себя. Мой приход должен был потребовать впоследствии генеральной уборки.

Редактор – мужик лет сорока пяти – сразу обо всём догадался, и сказал мне с чуть снисходительной улыбкой, что моя образность ему нравится, но она чрезмерна, – здесь он на память процитировал есенинские строки про избу, жующую челюстью порога мякиш тишины.

Он мне намекнул, что Есенин мог позволить себе такие штуки, а мне ещё рано, мне надо попроще себя вести.

«Ну, не настолько же попроще!» – подумал я возразить, но не стал. Финальной строкой моего стихотворения – вместо

придуманной мной строки, – теперь была вот эта, цитирую: «Жизнь без веры, что дом без окна».

Чтодомбезокна, чтодомбезокна, чтодомбезокна – повторял я эту патетичную банальность, как самое гадкое ругательство. Мне хотелось плакать: теперь все прочитают эти стихи и подумают, что я банальный тип, а никакой не поэт.

Отцовский друг, впрочем, ничего так и не заметил.

Мы взяли несколько номеров газеты и поехали обратно.

Гонорар мне пришёл через неделю или полторы. Он был вполне себе весомый – на него можно было бы купить литров шесть-семь разливного пива. Гонорар составлял, кажется, одну десятую от отцовской учительской зарплаты.

Отец сказал матери: видишь, ему пятнадцать лет, а он заработал свои первые деньги. Отец был горд.

Газеты эти я выбросил сразу. Надеюсь, что весь тираж того номера исчез безвозвратно.

С тех пор я работал грузчиком, могильщиком, постовым милиционером, командиром отделения ОМОН, журналистом, рекламным агентом и креативным редактором в рекламном агентстве, потом был военным, потом – советником главы одного государства, и снова военным, я снимался в кино, я сочинял музыку, я много чем занимался.

Но, положив руку на сердце, я хочу сказать, что больше всего, как и прежде, я люблю поэзию, и хочу, чтоб платили мне именно за это: за стихи, за романы, за рассказы. За написанное мной.

Только не переделывайте последнюю строку, пожалуйста.
Возможно, в последней строке было что-то очень важное.

Стихи те я утерял. А саму строку забыл. Кто теперь мне её подскажет.

Не проси, а то дадут

Помните – если вы, конечно, помните, – в советской школе были в ходу опросники. Как правило, девочки этим занимались.

Бралась толстая тетрадка в клеточку, и там фломастерами на каждой примерно пятой странице большими буквами записывались вопросы.

Тетрадку пускали по партам, чтоб желающие отвечали.

Твой любимый фильм, твой любимый вид спорта, твоя любимая книга, твой любимый школьный предмет, и – ради чего всё и затевалось – нравится ли вам какая-нибудь девочка в нашей школе?

Был в числе прочих и такой вопрос, – это к нему я так издалека веду, – кем бы ты хотел стать после школы?

Помню, в классе, кажется, седьмом отвечал я на такой опросник.

Грамотно обошёл все углы, которые могли сослужить мне в коллективе дурную службу, никаких девочек не назвал, – хотя она была, – но на вопрос «Кем ты хочешь быть после школы?» – вдруг, совершенно неожиданно сам для себя – накатал целый список: поэтом, писателем, публицистом, артистом театра, кино, – и ещё там что-то было, – запомятовал, что именно.

Никаких книг я в седьмом классе не писал, сколько-ни-

будь заметных признаков врожденного артистизма не проявлял, что означает слово «публицист», вообще понимал туманно; как, впрочем, и сейчас.

Одноклассники дружно посчитали, что я валяю дурака. В том числе и потому, что на вопрос о любимой девушке я вписал завуча – крупногабаритную даму одесских кровей, в раздел «Любимая книга» – школьный журнал, а в графу «Любимый предмет в школе» – длинную перемену.

После школы я не пошёл ни во ВГИК, ни в Литинститут. Ни актёром, ни писателем я быть больше не хотел.

Когда настала пора выбирать профессию, пошёл я в омовцы.

Служил я достаточно долго, чтоб забыть про написанное в опроснике навсегда.

Дальше свою жизнь я пересказывать не буду, а то увлекусь.

Скажу только, что жизнь моя ходила кругами, только с каждым кругом брала всё шире.

Стоило ли городить весь этот огород – учиться в университетах, прочесть несколько тысяч книг, мотаться по миру, – чтобы спустя двадцать лет вновь оказаться в том же качестве, что и в юности: в какой-то момент я переоделся в хаки и вновь стал человеком с ружьём.

Офицером армии одной непризнанной республики.

Но однажды вдруг пришло мне письмо: Захар, так, мол, и так, не хотите ли сыграть в спектакле?

Сложно, говорю, сыграть мне в спектакле, потому что где спектакль – и где я. Долго это всё и нервозатратно. К тому же у меня память плохая и я роль выучить не смогу.

Нет, говорят, мы быстро всё обустроим, нам только один день нужен, а спектакль такой, что вы просто будете ходить с места на место, и текста у вас совсем мало. Тем более что мы первый показ устроим прямо там, где вы сейчас живёте и служите, говорят мне.

Ладно, говорю, приезжайте.

Репетировать мне было некогда, на спектакль я приехал прямо с позиций, и разобрался, что к чему, буквально за час до показа.

Во время самого спектакля ко мне приставили специального человека, который выталкивал меня на сцену в нужный момент, а потом знаками звал обратно, даже если я не хотел уходить.

Зрителям понравилось: в финале они аплодировали стоя и подарили мне цветов больше, чем всем остальным участникам спектакля вместе взятым.

Так я стал театральным артистом.

А следом приходит ещё одно письмо: Захар, так, мол, и так, хотим снять вас в фильме.

Сложно, говорю, снять меня в фильме, потому что где фильм – и где я. Долго это всё и нервозатратно.

Нет, говорят, мы быстро, нам только два дня нужно, фильм документальный, вы просто будете ходить с места на

место, а текст мы потом наложим сверху и даже прочитаем его сами.

Ну, ладно, говорю, называйте вашу цену. Назвали они свою цену, и я вылетел к ним.

О смысле и сюжете этого фильма я узнал непосредственно на месте, за пятнадцать минут до съемок, сценарий читать не стал, просто попросил: вы говорите, куда мне идти и где останавливаться.

Они так и сделали: включают камеру и приказывают: иди туда! Стой! Смотри! Разворачивайся! Иди обратно!

Увлекательная, между прочим, работа. Главное, не упасть.

За два дня мы проехали сквозь Чечню и Дагестан.

Жена моя пишет смску: ты в Донецке?

«Нет, – пишу ей. – Еду из Грозного в Махачкалу».

Она говорит: ну да, по местам боевой славы отправился – скоро, милый муж, в России мест не останется, где ты не шлялся бы с автоматом наперевес.

В общем, походил я туда, походил сюда, побродил по любимому Пятигорску, купил магнитик с изображением Лермонтова, выпил нарзану и улетел назад, к своему батальону.

Так я попал в документалистику.

И вновь приходит письмо: Захар, так, мол, и так, хотим снять вас в кино.

Сложно, говорю, снять меня в кино, потому что где кино – и где я. Долго это всё и нервозатратно.

Нет, говорят, мы быстро, нам только два дня нужно, кино хоть и художественное, и роль у вас главная, но мы всё остальное снимем без вас, а вы просто будете ходить с места на место, и реплик у вас очень мало.

Ну, ладно, говорю, присылайте сценарий, буду в роль вживаться. Прислали мне сценарий, оказалось, что по сюжету я играю офицера армии Донецкой Народной Республики.

Жена мне пишет смску: чем ты там на этот раз занимаешься?

Пишу: вживаюсь в роль офицера армии Донецкой Народной Республики.

Она мне: ты год уже служишь, сколько можно вживаться.

Нет, говорю, это для кино надо.

Она мне только и написала: «Женя, Женя».

Потому что по паспорту я Евгений. Захар – это мой позывной, который стал литературным псевдонимом, а потом снова позывным.

Встретились мы со съёмочной группой, их было сто человек, и все они бегали вокруг с разными звуковыми, осветительными и ослепительными приборами.

Ко мне приставили сразу двух девушек, которые всё время носили мне чай, кофе и соки, что твои ординарцы.

Работали мы с восьми утра до полуночи, каждую сцену играли – для того, чтоб снять её с пяти разных ракурсов, – по десять раз.

Работу эту я возненавидел уже в первый день, тем более

что я был невыспавшийся и уставший, и очень переживал о том, как там мой батальон без меня.

В итоге режиссёр мне шёпотом сказал: как прекрасно, что я такой невыспавшийся, уставший и злой, потому что именно это и было нужно ему в кадре.

Все были рады тому, какой я прекрасный артист и как я мощно вживаюсь в роль. Мне очень помогало то, что по сюжету я пользовался телефоном, – вот я им и пользовался, переписываясь со своим начальником штаба, который рассказывал мне, какой у нас кошмар творится с батальоном.

Далее по сюжету я ездил туда-сюда на разбитом и простреленном «уазике», с автоматом и в разгрузке, время от времени принося те или иные неприятности людям, которые делали то же самое, но с другой стороны позиций.

Отснявшись в фильме, я вернулся в своё подразделение, надел разгрузку, взял автомат, ну и далее по сюжету.

Когда люди меня спрашивают, как же я всё успеваю, – я даже не знаю, что ответить.

Я не делаю вообще ничего, чтоб успеть хоть куда-то. Я только вспоминаю завет из одного хорошего романа: не ходи и не проси, сами придут и всё дадут.

И ещё я думаю: что такое происходит со мной? Зачем это происходит со мной?

Это мои мечты сбылись? Или это проявление лёгкой иронии Того, Кто над нами?

Он говорит: всё, что хотел, парень, я тебе дам, мне не жал-

ко, и ровно в том виде, в котором ты этого заслуживаешь.

Но самое главное: я никак не вспомню, что́ в том опроснике ещё успел понаписать.

Помню, что ответ мой был абзаца на полтора, и то, что я перечислил выше, – далеко не весь список, а только в лучшем случае половина.

Несколько неважных слов в течение дня

Хорошие родители – это счастливые родители.

Хороший отец – счастливый отец.

Дети будут любить любого отца... ну, почти любого.

Вырастут и простят – и вспыльчивость, и пристрастие к горячительным напиткам, и долгие пропадания в неведомых командировках. Потому что: отец.

Но лучше было бы для всех, если б отец не мучился, не страдал, не искал утешения где попало, а был бы доволен своим местом на земле.

Улыбчивый и спокойный отец – самая большая опора и надежда для ребёнка. Получив улыбчивое и спокойное детство рядом с таким отцом, ребёнок на этом топливе проедет ещё десяток-другой лет, если не всю жизнь.

Недополучив этого – будет сам ломаться, тормозить, съезжать в кюветы, и там подолгу стоять, ржавея. Думать: отчего так?

А из-за того, что отец был поломан, и по этому образцу он невольно построил себя.

Если ты, отец, недоволен своим местом на земле, – сделай так, чтоб твой ребёнок этого не знал. Постарайся хотя бы. К чему детям твои душевные метания, страсти, вся твоя бы-

тийная суета.

Отец должен быть как восход солнца: неотменимый, постоянный, убедительный, горячий.

Наверное, отец должен научить ребёнка чему-то такому, чего не может никто: ведь папа может всё что угодно.

К несчастью, у меня нет, или почти нет таких навыков.

То, чем я зарабатываю на жизнь, – это не преподаётся. Только чудаки думают, что можно научить быть писателем, или хотя бы журналистом.

Примитивную практику можно дать – но успешными писателями или журналистами становятся единицы; а неуспешных и без моих детей хватает. К чему им портить жизнь.

Сын хочет быть психологом, другой – кулинаром, дочка – ветеринаром, младшая поёт всё время. Ну, отлично. Писателей мне не надо.

Поэтому я просто приучил их читать; этого достаточно.

Я мог бы научить детей обращаться с оружием, и сказать им, что тело бrenно, и в этом нет большой беды, особенно, если рисковать жизнью – часть твоей работы.

Но оружия я дома не держу, ему там не место, что же касается взаимоотношений с твоей собственной жизнью – их тоже преподавать незачем: по крайней мере, пока твой сын не вырастет, и не попадёт в первую перестрелку.

В итоге я просто живу, стараюсь быть рядом с детьми как можно чаще, и никогда ничему не учить их, пока они сами

об этом не спросят.

Я присутствовал при родах всех своих детей: им, я видел, было сложно.

Во всех дальнейших сложностях они могут положиться на меня, но преодолевать всё предназначенное им всё равно придётся самим.

Никто за нас не проживёт нашу жизнь.

Единственное, что может сделать отец для детей, – прожить свою отцовскую жизнь по-человечески. И чтоб дети это заметили.

Мой отец прожил жизнь так, что, как минимум, я никогда не усомнился в его мужественности и достоинстве. Этого мне хватило на всю прожитую мной до сих пор жизнь, и ещё осталось.

Я не говорю, что такой принцип воспитания универсален – но никакого другого я не знаю.

Лучшее воспитание – твоя совесть и твоё ежедневное поведение.

Отец никогда не устаёт. Отец никогда не теряет присутствия духа. Отца ничего не может напугать.

Отец будет сидеть рядом с тобой всю ночь, если ты заболел.

Отец проснётся в любое самое раннее утро, если тебе страшно, и ты его позвала.

Отец бросит всё и приедет за тобой, если тебе плохо.

Отцу ничего не жалко для тебя.

Надо ли говорить, что отец не унизит и не предаст тебя – или это и так очевидно?

Лучшего воспитателя, чем любовь, – не бывает.

Поэтому всё у нас обстоит так.

Я сейчас живу в деревне на берегу реки, со мной четыре ребёнка. Наша мама отдыхает от нас, и правильно делает.

В семь утра просыпается самая малая. Она кричит:

– Папа! Я встала!

– Иди ко мне! – зову я её с первого этажа. Я уже проснулся и пью чай на кухне. Надо не забыть спрятать шоколад, а то они его немедленно сожрут.

Она умывается, я её расчёсываю. Насыпаю ей хлопьев в молоко.

Потом мы идём с двумя нашими собаками к реке – поить их. Собаки – Шмель, огромный сенбернар, и Зоя, бассет-хаунд, – счастливы.

В девять утра просыпается вторая дочка.

Она может приготовить себе завтрак сама.

Её задача – подмести крыльцо, почистить и расставить всю обувь, убрать вольер, расчесать и протереть глаза собакам.

Потом они уходят вчетвером – две девочки и две собаки – гулять в лес, часа на полтора.

Часам к десяти просыпаются пацаны и, допустим, завтракают макаронами с сыром и овощами – папа позаботился, накрыл им стол.

Кровати за собой они убрали, теперь должны помыть за всеми посуду.

Когда девочки вернутся – дам поручение сыновьям: ещё час-полтора погулять с младшей девочкой. Она должна прогуляться перед дневным сном.

В час я её кормлю кашей, и мы идём с ней читать. Книжку она выбирает сама. Книжек у нас несколько сот. Книги есть во всех комнатах нашего дома.

Она уже умеет читать сама, но у нас есть ещё один год, когда папа и мама читают ей вслух.

Если и есть какое-то другое воспитание помимо родительского примера – то вот: чтение вслух. В книгах всё есть, что мы, суетливые взрослые люди, пытаемся поспешно формулировать.

Я отдыхаю от работы, когда я готовлю.

Готовлю я быстро и примитивные блюда: в обед, допустим, пюре и зверски пожаренная свинина с луком, под сыром и помидорами.

Обедаем мы все вместе, за большим столом, после дневного сна младшей. Сыновья приходят со своего вечного футбола, потные и задорные.

Дело сыновей: после обеда собрать и вынести мусор, сходить в соседнюю деревню за продуктами, если они кончились. Та деревня в двух километрах от нашей.

Они возвращаются и разбирают продукты, расставляя их в холодильнике.

После этого мы можем сыграть несколько партий в шахматы.

(Младшая в это время рисует.)

Или сходить искупаться.

(Все дети по очереди присматривают за младшей.)

Плавать я их в своё время научил, всех троих старших; за младшую примусь в следующем году.

Компьютеров дома нет, айфоны и айпады они оставили в городе, телевидения тоже нет, но раз в день они идут посмотреть какой-нибудь фильм на диске: их закуплено вдоволь на всё лето. Впрочем, они чаще пересматривают что-нибудь полюбившееся.

Вечером мы идём гулять с дочками и собаками. Потом все вместе ужинаем, скажем, омлетом.

Дело старшей дочери: приготовить собакам еду.

Она готовит еду, и мы вместе идём смотреть, как собаки едят. Почему-то мне очень нравится это честное зрелище.

Следом она поливает цветы на участке, а младшая бежит за ней и всё комментирует.

В сущности, за весь день я могу перекинуться со своими сыновьями двумя-тремя предложениями: как настроение, во что играли, что будешь есть, тебе мат, что такое, неужели мне мат, спокойной ночи, сынок.

Ну, в крайнем случае: почему не вымыли посуду, немедленно за дело.

Впрочем, старший начал читать Библию и прочёл всю за

два дня. Я задал ему несколько вопросов о прочитанном. Он ответил. Ответом я был удовлетворён.

С дочерьми мы говорим больше, в основном о пустяках... хотя не только.

Та, которая старшая, примерно десять раз в день слушает одну и ту же пластинку – изданный мизерным тиражом на исходе советской власти винил с песнями Ирены Сасси и Мирослава Савина на стихи Георгия Иванова, Адамовича и Бунина.

Дочка иногда спрашивает: а почему там поётся именно про 17-й год? А почему «по снегу белому домой»? Я объясняю. Потом вдруг узнаю у мамы, что ей она уже задавала эти вопросы. Видимо, сверяет ответы родителей.

Иногда мы садимся вместе с дочками в машину и катаемся по лесу, слушая песни на стихи Есенина (я собрал целый диск, самых лучших), и на стихи Маяковского (собрал целый диск, самых лучших), и на стихи Цветаевой (да, самых лучших).

На ночь я снова читаю младшей дочери.

Старшая читает сама, примерно по книге в день-два.

Дети иногда молятся – но это сфера деятельности и влияния моей жены, я не имею к этому никакого отношения.

У меня нет никакой уверенности, что я хороший отец.

Девять десятых работы по воспитанию наших детей – заслуга моей жены.

Но я точно – отец, в этом у меня нет никаких сомнений.

Хождение по счастью

Дружба – наивысшая стадия бескорыстных отношений.

Родитель и ребёнок – тут всё понятно. Муж и жена, любовники, сёстры, братья – всё это тоже объяснимо.

И вдруг – дружба.

Два, по сути, посторонних человека вдруг рады друг друга видеть, хотя не связаны никакими узами. Бросаются друг другу на помощь, звонят друг другу ночами, тратят друг на друга последнее, ну и тому подобное.

Чаще всё это касается, простите, мужчин.

Не знаю, как в иностранных языках, а в русском даже сами определения личностных отношений между мужчинами и между женщинами звучат с на удивление разным наполнением. Вслушайтесь и сравните: «подруги» – «друзья».

Наивысшая форма дружбы – это, естественно, воинская служба. Служили два товарища, три товарища, четыре мушкетёра.

Замените всё это на женский род, и умилитесь: как вам кинокартина «Служили две подруги» или роман «Три подруги»? Как-то сразу не верится, что там пойдёт речь об удивительной дружбе. Какие-то совсем другие ожидания от произведений с такими наименованиями.

В «Трёх подругах», после пылкого периода дружбы и удачных замужеств, героини обязательно разойдутся по сво-

им делам – длить и длить женскую дружбу нет никакого смысла; зачастую это противоестественно.

«Четыре подруги двадцать лет спустя» или «Четыре подруги тридцать лет спустя» – это просто кошмар какой-то: я б и не рискнул такую книгу открыть.

Женская дружба уживается, как правило, в форме родства – отсюда «Три сестры» Чехова и «Сёстры» Алексея Н. Толстого (первая, и лучшая, часть «Хождения по мукам»).

Женщины дружат с детьми и мужьями. Женщины ждут их.

А мужчины к жёнам и детям – возвращаются: разница.

Женщины вполне могут никого не ждать, желая сохранять свою свободу, – ну, тогда к ним никто и не вернётся.

Можно сколько угодно сердиться на мой мужской шовинизм, но проверяется сказанное мной до банального просто. Мужчина, отдавший жизнь за друга, – это обыденность, таких случаев – тысячи, они увековечены в мировой мифологии, истории, поэзии, об этом написаны тома книг.

«Отдать жизнь за други своя» – признак высшего состояния мужского (человеческого) духа.

Женщина, которая жертвует жизнью за свою подругу, – это алогизм, моветон, это нелепица какая-то. Зачем ей вообще было этим заниматься – у её подруги, что, не было парня, чтоб пожертвовать собой?

Если хорошенько порыться в мировых литературных сокровищницах, то, конечно, можно найти примеры и на этот

счёт – но зачем? Лично мне категорически не хотелось бы, чтоб женщины занимались такой ерундой, как самопожертвование, измеряя свою дружбу мужскими категориями. У женщины много других занятий, где они дадут фору мужчинам.

Если вы по-прежнему категорически не согласны со мной, то вспомните одну песню вроде «Если друг оказался вдруг...», только про женщин. Или хотя бы строчку наподобие «Друга я никогда не забуду, если с ним повстречался в Москве...».

Если вспомните – буду счастлив.

Но вы не вспомните, потому что поэзия не врёт.

Мужская дружба – поэтична, женская годится только для фривольного сериала.

Мужчинам, говорю, лучше всего дружить на войне; но вообще можно встретить друга в горах, как в песне у Высоцкого, или в Москве, как в другой вышеприведённой песне, или в тайге, или у чёрта на куличках.

Труднее всего дружить во времена, когда достаток и успех стали понятиями определяющими, а вернее – подминающими любую суть.

Проще всего дружить либо когда у друзей нет ничего, зато есть радость о бытии (иногда оборачивающаяся тоской о несделанном), – либо когда у друзей есть всё, плюс радость о бытии (но и она тоже иногда оборачивается тоской о способах уже достигнутого ими).

Не позавидуешь мужчинам, которые пребывают в состоянии соревнования – один богаче, другой бедней, один талантливый, другой не очень, один забравшийся наверх, другой задумчиво расположившийся внизу. Какая уж тут дружба – для поддержания таких отношений нужно иметь крепкие нервы.

Мужской дружбе претит дух соревнования. Едва он появляется, в мужской дружбе неизбежно проступает что-то женское. Когда мужчина дружит, он не должен оглядываться на своё отражение, проходя мимо любой стеклянной поверхности, и вообще задумываться о том, как выглядит.

Настоящий мужчина всегда лучше всего выглядит, когда он равен себе. В то время как для женщины это – единственный вид роскоши, который может не прибавить ей шарма.

В советские времена (сейчас несколько читателей хмыкнут) мужская дружба была куда более демократична, чем сегодня. В нашем деревенском доме за одним столом, вокруг моего отца, сидели председатель колхоза, поэт из большого города, комбайнёр, собиратель краеведческого музея, водитель с овощной базы. Сам отец был директором школы. Все товарищи отца были равны.

Ничем особенным друг для друга они не могли быть полезны.

Дружили за так и помогали товарищам просто так: исключительно из чувства душевного родства.

На мой вкус, возможность таких отношений – и есть глав-

ная демократия, все остальные демократии от лукавого.

Помимо демократии, для дружбы необходим некоторый излишек свободного времени – и он тоже имелся: восьмичасовой рабочий день – штука крайне важная.

Ещё для дружбы нужна музыка – музыка звучала.

Помню, у мамы был день рождения, тридцать лет, а отец забыл купить ей подарок – впал в состояние непобедимой дружбы за неделю до праздника, и забыл из него выйти.

Утром, когда пришло время накрывать праздничный стол, отец вдруг понял, что ситуация критическая. Выйдя покурить на крыльцо, он попросил друга – того самого водителя с овощной базы – съездить в город и купить большое зеркало: у нас не было, а мама хотела на себя любоваться.

Ситуация усугублялась тем, что водитель, равно как и папа, в этот момент находился в бодрой и радужной степени алкогольного опьянения. Вдобавок к тому – он имел уже два прокола в правах, и третий прокол оставил бы его без работы.

Но это ему не помешало сорваться на своём грузовике в город.

В городе выяснилось, что сегодня выходной – а советские магазины имели обыкновение по воскресеньям закрываться. Друг проявил до сих пор скрытые способности детектива и нашёл директора магазина – могучую женщину с бетонным характером.

Невиданными обещаниями – впрочем, овощная база

предоставляла некоторые возможности, – уговорил её открыть магазин на пять минут.

Денег не хватило – и он оставил в залог свои часы, перочинный нож и обручальное кольцо.

Купил, или, в некотором роде, обменял зеркало.

Дальше ситуация совсем вышла из-под контроля. Его едва не поймали работники государственной автоинспекции – они помчались вслед, когда грузовик не остановился на взмах волшебной палочки, и почти уже нагнали правонарушителя, но там, где дорога с асфальта свернула на просёлочную, милицейские «жигули» влезли в грязь и временно погибли.

Ладно бы только это! Зеркало друг моего отца положил в кузов грузовика – даже не закрепив его: мужчины не склонны думать о таких мелочах. Всю дорогу, включая погоню и бешеную езду по осенним лужам и прочим буеракам, зеркало летало по кузову взад-вперёд и наискосок.

Но не разбилось. Мужская дружба сохранила его.

Друг практически подвески королевы доставил в урочный час моему отцу – разве это не прекрасно?

У меня ещё сто подобных историй хранится в памяти.

Да, дружбы имеют обыкновение прекращаться – в том числе и мужские. У мужчин не настолько много здоровья, как им кажется. Здоровье периодически заканчивается непосредственно в процессе дружбы.

Иногда – насовсем.

И тогда, наконец, приходит черёд женским дружба́м.

Все, кто сидел у моего отца за столом, – умерли. Зато жи-
вы жёны этих друзей, наши матери.

Теперь они дружат за мужей. Теперь они дружат – про му-
жей.

Музыки стало чуть меньше, бравады несравненно убави-
лось, не звучит отцовский аккордеон, и никто не катается по
деревне на грузовике, пугая кур.

Но всё перечисленное присутствует незримо в нас, рядом
с нами и над нами.

Теперь я привожу в деревню своих новых друзей. Жёны
моих друзей присматриваются друг к другу.

Всё сбылось

В паспорте написано, что я родился в деревне Ильинка Скопинского района Рязанской области. Это не совсем так. Семья моя действительно жила в Ильинке, и там я провёл детство. Но родили меня в роддоме городка Скопин, в десяти километрах от моей Ильинки, где роддома не было.

Это случилось 7 июля 1975 года; три семёрки в дате моего рождения, считаю, чуть иронизируя над самим собой, время от времени приносят мне удачу.

В Скопине в своё время родились автор песни «Эх, дороги...» композитор Анатолий Новиков, маршал СССР Бирюзов, кинорежиссёр Лукинский, философ Хоружий, в том же городке жил и учился будущий российский политик Владислав Сурков.

Я был крещён вскоре после рождения в церкви села Казинка – это соседнее с Ильинкой село, откуда происходил родом мой дед по матери.

Отец мой, Николай Семёнович Прилепин, преподавал в соседней с Ильинкой деревне Высокое историю и одновременно был директором школы. В летние каникулы он брал заказ на ремонт школы и вдвоём с каким-нибудь приятелем красил здание, менял окна, штукатурил и тому подобное. Он всё умел делать, в том числе виртуозно играл на гитаре и баяне, и как баянист (если был аккордеон – то как аккордео-

нист) был званым гостем на всех свадьбах; рисовал, в том числе на заказ, но чаще дарил свои картины за так, или за «банку вина», как он это называл. Практически все его работы, за исключением нескольких, утеряны.

Отец научил меня ценить живопись: более всего Константина Коровина и Петрова-Водкина.

Отец был под метр девяносто ростом, во всех компаниях, где я его видел, он всегда был самым сильным и самым умным. Рядом с ним я никогда и ничего не боялся.

В юности отец хотел стать художником, и музыкантом он тоже хотел быть, и, кажется, ещё поэтом – я видел несколько его стихов, в рубцовском стиле написанных; потом они тоже потерялись.

Никем из перечисленных отец не стал, и это его со временем надломило. Он выпивал, как и многие мужики в те времена, но выпивал безжалостно к самому себе.

Впрочем, пока он был молод и полон сил – это не было так заметно.

Мы держали в Ильинке небольшое хозяйство: кур, уток; у нас был огород.

Огород отец вспахивал сам: запрягал лошадь – и пахал; я смотрел на это.

Крестьянский труд, как и любой другой, давался ему легко.

Родом отец происходил из села Каликино Добровского района Липецкой области – до появления Липецкой области

село числилось в Тамбовской губернии. В Каликино я проводил большую часть лета с самого раннего детства до шестнадцати лет, и считаю эту деревню своей родиной в поэтическом смысле. Там, на окраине деревни, есть высокие холмы, куда я уходил и сидел там целыми днями, не зная зачем, глядя на простор и заходящее солнце.

Деда моего звали Семён Захарович, он тоже был высок, белёс, степенен, необычайно силён физически, имел басовитый голос, слышимый за целую улицу. Великую Отечественную он начал артиллеристом, командиром орудия, летом 1942 года, отвоевав полгода, попал в окружение и в плен, и сидел в немецких лагерях до конца войны. Освободили его американцы. Когда его выпустили – он весил 47 килограмм. К своим он пошёл пешком. Деда допросили и отпустили во свояси.

Со своей женой – моей бабушкой – он поженился ещё до войны, и она, не получив от него ни одной весточки, кроме письма в 1942 году, ждала его всю войну – и дождалась.

Письмо это я видел и читал. Там дед писал, что был в страшном бою, они отражали танковую атаку, но теперь всё хорошо и он просит жену ждать его.

Бабушку звали – Мария Павловна, она была настоящая русская женщина, богомольная, терпеливая, никогда и ни при каких обстоятельствах не повышавшая ни на кого голоса. Читать она едва умела, и в школе училась то ли класс, то ли два. Бабушка была, как и дед, каликинская.

Письмо деда тоже потерялось. Оно было на открытке.

Позже добрые люди провели исследования и восстановили мою родословную по отцу до XVII века. Выяснилось, что Прилепины происходили из однодворцев: было такое сословие, набираемое из боярских детей, казачества и монастырских крестьян для охраны окраин государства. Прилепины не были детьми боярскими – они происходили из монастырских крестьян. Предки по линии бабушки тоже были из однодворцев – удивительно, но даже после двух с лишним десятилетий советской власти, в силу традиции, бывшие однодворцы всё равно заключали браки внутри своего сословия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.